

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

НАДЕЙСЯ
И
ВЕРЬ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Александр Грич
Надейся и верь (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43701245
Надейся и верь: НЕФОРМАТ; Оттава; 2019

Аннотация

Стихи и поэтические переводы разных лет.

Содержание

«Надейся, надейся и верь...»	7
Старый причал	9
«Мне от прежних привычек...»	9
Напутствие	11
Кухня	12
«Жалею порой о газете...»	14
Гонки восьмерок	16
«И вспомню: света блики жидкие...»	18
Вальс	20
Гадание	21
Приметы	23
Романс	25
Порт	27
Море уходит	28
«Беспомощность великих – ты видна...»	30
Враг	31
Говорят...	33
Мадонны аэропортов	35
Музыка на пляже	37
Эшелоны	39
Песенка о Москве	41
«Могу гордиться...»	43
Молодость	44

«Гитару спрячь...»	46
Такие дела	48
Всего-то	48
«В конце молчания поставим точку...»	50
«И вот появляется слово...»	52
Дом	54
Норд	57
«Праздники окончены...»	59
«Без зависти и без злобы прошу у светлого дня...»	60
«Тот, кто ждал, чтоб я убивался...»	61
«В старом фильме „Не горюй“...»	62
«За короткими ливнями...»	64
«Снова старые песни поются...»	66
«И огонь живет под золою...»	68
Венок сонетов	69
I	69
II	70
III	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Александр Грич

Надейся и верь

© Александр Грич 2019

* * *

«Надейся, надейся и верь...»

Надейся, надейся и верь –
Нам жить невозможно иначе.
Когда закрывается дверь,
Когда покидает удача,
Когда надвигается ночь,
И сердце в тревоге немеет,
И мнится тебе, что помочь
Никто никогда не сумеет, –
Надейся на дальний поход,
На тех, у кого ты учился.
На завтра, на будущий год,
Коль этот тяжелым случился.
На ту, что платок теребя,
Все ждет в этот вечер осенний.
Надейся еще на себя,
На лишний билет, на везенье.
Хоть знаешь, что некому ждать,
Что проданы в драку билеты,
Туманы спустились опять,
А стало быть, вылетов нету,
Удача отбилась от рук
И нет в твоей музыке лада.
...А может, а все же, а вдруг?
И значит, надеяться надо.

Старый причал

«Мне от прежних привычек...»

Мне от прежних привычек
Не уйти никуда,
И ни пачки, ни спичек –
Только плачет вода,
И ни спичек, ни пачки
Никаких папирос, –
Только волны, да качка,
Да по коже мороз.
Гаснут на пароходе
Ходовые огни.
И проходят, проходят
Мои лучшие дни,
Мои лучшие весны,
И отрада моя –
Здесь, где сушатся весла,
Вдалеке от жилья.
Гаснет пена седая.
Берег темен и пуст,
И ведь сам для себя я
Выбирал этот путь...
Путь притихшей печали

От зари до зари,
Где пустые причалы
И в воде фонари.

Напутствие

Не спеши этим днем,
Не спеши этим мартом,
Не спеши! Так неспешен
Бегун перед стартом,
Так неспешны привалы
Без смеха и песен...

(Долог путь. А маршрут
Только штабу известен).

Не спеши!

Потому что смешон, кто поспешен.

Птицу всадник обгонит,

А всадника – пеший,

Но споткнется и он,

Упадет и не встанет...

Не спеши!

И тогда твое время настанет.

Но готовься к тому,

Что не будет, как нету,

Ни команды «Подъем!»,

Ни хлопка пистолета,

Не стеснят тебе грудь

Ни беда, ни удача...

Самый тягостный путь –

Путь, который не начат.

Кухня

Остается пустая посуда,
Остаются окурки повсюду
Да тарелки у края стола.
Чернота за оконную рамой,
А вставать мне, конечно же, рано...
Ну да ладно уж... Что за дела?

Так о чем же мы тут говорили?
Говорили – что кашу варили:
Моды, байки, и секс, и печать.

Но кивает зеленая лампа:
Говорили о чем-то? И ладно.
Лучше все-таки так, чем молчать.

Лучше все-таки так, чем иначе...
Обо всем – о визитах, о матче,
ИТР, НТР и АСУ...

Я не против. Сдвигаю бутылки,
Составляю приборы и вилки
И на общую кухню несусь.

И, пока я их тщательно мою,
Гвалт вечерний плывет надо мною,

По углам исчезает, в тени...

Так, конечно, и было, и будет,
И, конечно, меня не убудет –
Ни вот столько. Ни грамма. Ни-ни.

«Жалею порой о газете...»

Жалею порой о газете.
Ее суматошные дни,
Заботы минутные эти
Душе моей, видно, сродни.
Бумаги с пометками «срочно!»,
Ошибок нечаянных страх,
Ротации рокот полночный
И завтрашний номер в руках.

Прочтут его утром на досках,
Раскупят, спеша по делам.
Мне очередь перед киоском –
В отличие от прочих – мила,
Поскольку, скажу откровенно,
Хоть дни эти так далеки,
Я помню отчетливо цену
Нелегкой газетной строки.

Звонят: «Белоканы!.. Житомир!..»
Стучат: «Сорок строк из села!»
День длится. Рождается номер.
О, как его площадь мала
Для радостей, бед и оваций...
Вместить, уложить, спрессовать!
И надо еще – не сорваться,

Желательно – и не соврать.
Успеть о большом и о малом –
По телексу, с ленты, с колес...
И день отольется металлом
В прокрустовы ложа полос.

Гонки восьмерок

И вновь весла занос крутой,
Толчок! – и остается где-то
Все прошлое за той чертой,
За красной стартовой ракетой.
«Раз-два!» А впереди спина
И майка, мокрая от пота...
«Давай!» – от катера волна...
«Ещё!» – веселая работа...

А лодки – рядом, наравне,
И хрипнут, хрипнут рулевые,
И, как в размытом душном сне,
Плывут черты береговые.
И завихряется вода,
И так давно все это было...
Так что же – снова, как тогда,
Без рассуждений, что есть силы?

Как будто он и не изжит,
Предмет отчаянного спора,
Как будто что-то впрямь решит
Невидимая нитка створа:
Миг – от победы до беды
И год – до следующей гонки...
«Давай! Давай!» ...И рябь воды.

И кровь колотит в перепонки.

«И вспомню: света блики жидкие...»

И вспомню: света блики жидкие,
Полуночного моря дрожь,
Когда ударил неожиданный
Стремительный весенний дождь.
Он шел, по водостокам булькая,
Ложился на листву росой,
И пах он молоком и булками,
И свежестью негородской.

Как это было близко к счастью –
Бульвар в дрожащих огоньках
И капельки воды блестящие
На худеньких твоих щеках.
Нефтезаводов дальних зарево,
Трамвайных молний синий бег,
И ты, открывшаяся заново,
И для меня – уже навек.

Какие времена неблизкие!..
Десятый класс. Бульвар. Вода.
Но все, что было дальше – присказка,
А сказка кончилась тогда.
Устроенная жизнь законная
Ведет меня. Но как-то, вдруг,
Проснусь от шума законного,

Усталый, выйду. Дождь вокруг.

Вальс

Существует тот город,
Где однажды тебя повстречал,
Существует твой голос,
Полушепот ночной у плеча,
Вот и дожил до чуда –
Не все проживать по уму...
Кто ты есть и откуда –
Мне это совсем ни к чему.
Наконец-то не спрячу,
Не скомкаю душу в комок,
Рассмеюсь и заплачу –
Не поверю, что раньше не мог.
Упаду на колени,
Забуду, кем был, что хотел.
Ты – болезнь, исцеленье,
Начало мое и предел.
Королева иль пешка –
Не важно по этой игре,
Не орел и не решка,
Монета звенит на ребре!
Начинаю сначала.
Была моя правда – вранье.
Повторю у причала
Древнее имя твое.

Гадание

Чтоб будущее вышло лучше,
Чем есть оно на самом деле,
Гадаю на кофейной гуще.
А вы бы сами поглядели
В коричневую эту массу
На стенке чашечки обпита.
Фигурок, линий, точек масса...
В них оживает, что забыто,
В них обитает то, что будет.
Я вижу: звери, птицы, люди,
Дома, деревья, листья, лица...
Дрожит над ухом завиточек.
Зачем ты комкаешь платочек,
Пока гаданье это длится?
Зачем сидишь, едва живая,
Как будто я не понимаю,
Что ты сейчас услышать хочешь,
О чем тоскуешь и хлопочешь.
Во взгляде все куда яснее,
Чем в этой чашечке – Бог с нею...
Мне так неловко в этой роли,
Но, кажется, мое гаданье
Способно утолить страданье
И убережь тебя от боли.
Я – никудышный собеседник,

Но пригодился как посредник
Между тобою и судьбою
На пляже, в середине лета.
Смешно? Но самое смешное,
Что, может, ты права и в этом...

Приметы

И разрывается кольцо,
В котором я себя терял,
И смотрит пристально в лицо,
И говорит она:

– Ты знал – минута коротка,
А вышло – жизнь длинна.

И ждет тебя тяжелый груз:
Казенный дом, козырный туз,
Похмелье на чужом пиру,
Дорога на Восток...

Ни в чем тебя не упрекну,
Но с глаз снимаю пелену
И говорю – взгляни:
Твой мир хорош,
Хоть и жесток.

А суть его и благодать,
Что ничего не угадать,
И знать не знал ты до вчера
Лицо мое и дом.

Запомни час прощальный дня!

А дальше можешь без меня,
И если вспомнишь иногда –
Спасибо и на том.

Романс

*В непроглядную осень туманны огни,
только след от колес золотят...*

И. Анненский

* * *

И вновь последний миг –
Сейчас ли? Встарь?..
– Прощай покуда...
– Не тужи, дружок.
И светит электрический фонарь
Неясно, точно газовый рожок.
И тает снег, дыханием согрет,
И трогается медленно окно:
Карета или лайнер –
Все одно:
Маши рукою да гляди вослед.
Гляди, гляди,
Пока не вышел срок,
Пока любви твоей
Не минул час...
Лишь это остается после нас

Иным вокзалам,
Для иных дорог.

Порт

Конечно, случается разное,
А все же недаром труды,
Недаром все то, что бессвязно
Ты через полоску воды

И через дыхание порта
(А путь твой – туда и назад)
Орешь с отходящего борта
И машешь рукой наугад.

А лица сливаются в точки,
А марши динамики рвут,
И если не сбудется то, что
Обычно удачей зовут,

Спасут тебя не расстоянья,
Не ночи, не плач и не смех –
Час встречи и час расставанья,
Которые есть не у всех.

Море уходит

А покуда мы тратим жар,
Копошимся, снуем и спорим –
Дальше, дальше идет бульвар,
Дальше, дальше уходит море.

Мир измерен, как вес монет,
Не спасаются наши души –
За минутой вечности нет,
И уходит вода от суши.

На глазах уходит вода,
Остаются мазут да жижа...
Так бывает – я знал всегда,
Да не думал, что сам увижу.

А увидел... На том стоим,
Что не плачем, хотя и страшно.
И проходит путем своим
Необычное время наше.

После танцев или кино,
Когда день уже на исходе,
Выйди! Или гляди в окно:
Это тоже не всем дано –
Наблюдать, как море уходит...

«Беспомощность великих – ты видна...»

Беспомощность великих – ты видна
В завидном неуменье делать все,
Что не коснулось собственного Дела.
В эпоху умных, ушлых и умелых
Ты как-то уж особенно нужна
Своей ненужностью.
И так сильна
Своею беззащитностью,
Что тщишься
Забывать скорее все,
Чему учился,
И научиться этой вот, простой,
Беспомощности милой и пустой,
Которой невозможно научиться.

Враг

А когда заведет пурга – в окно погляжу.
Жду не друга я, жду врага.
Другу я всего не скажу.

А врагу я скажу: «Ну что ж,
Видно, твой черед.
У меня дела – ни на грош.
Твоя берет.

Так давай с тобой говорить,
Объясни-ка мне, как тут быть,
Научи меня, как мне жить,
Дорогой мой враг...»

Он войдет. Отвернув полу,
К моему присядет столу.
Ляжет длинная тень в углу – точнее, мрак.

И, поставив вперед плечо,
Он втолкует мне, что почем.
«Мол, не знаешь, кто и причем,
Так себя вини!
Все ходы тебе расскажу...»

Я тепло его провожу.

Я рукой ему помашу:

«Заходи, звони!

Я с тобой увидеться рад.

Ты помог мне здорово, брат!»

Темь на улице, снегопад...

Говорят...

Говорят, в моих стихах много норда.

Что поделаешь?

В городе, где я родился и вырос,
более трехсот ветреных дней в году.

Говорят, в моих стихах много курева.

Это верно.

Я сам курю много.

Сознаю, что это дурная привычка.

Говорят, в моих стихах маловато света.

Но как быть, если в редакционной люстре
над моим рабочим столом

из пяти лампочек

горят максимум две,

а у завхоза не допросишься...

О, если б вы знали, как я завидую людям,
которые говорят мне все это!

Уж они-то, конечно,

Никогда в жизни не курили.

И друзья их, родственники и знакомые
тоже.

И, конечно, у них с освещением

всё в полном порядке,

лампочки они не гасят даже ночью,

и это помогает им видеть светлые сны.

А самое главное –

весна на улице, лето, осень или зима –
у них всегда замечательная
солнечная погода.
Ну разве не позавидуешь?

Мадонны аэропортов

Огромный зал – бездомным кров.
Мадонны аэропортов,
В дороге дальней где-то канув

С младенцем, спящим у груди,
Не знают, что там впереди
Среди тюков и чемоданов.

Мадонны аэропортов!
Вы столько пасмурных часов
По милости Аэрофлота

Детей качаете своих
Среди всеобщей толчеи
И окликаете кого-то:

– А хоть поспали?
– Да... Чуть-чуть...
Куда лежит ваш долгий путь,
Где ожидают вас устало?

Хабаровск, Сахалин, Чита –
Но нету вылетов туда,
И, видно, ждать еще немало.

Мадонны аэропортов,
Нет ангелов и нет цветов
Нет даже коек в этом зданье,

Где ночь придется коротать...
А впрочем, нам не привыкать,
Мы – поколение ожиданья.

Какой же нам предъявят суд
Все те, кто с молоком всосут
Тяжелый воздух этих залов?

Ох, вылеты, которых нет,
И эта очередь в буфет –
Приметы аэровокзалов.

...Головку русую склоня,
Ты смотришь прямо на меня,
Качая малыша извечно.

Спокоен взгляд усталых глаз,
Ну, что же? И на этот раз
Все образуется, конечно.

Музыка на пляже

Волосатых мальчиков ликбез,
Тел ряды, прилипших к потным доскам...
Но звучит старинный полонез
На прожженном пляже черноморском.

Для чего? Достаточно забав:
Этот в карты шпарит, тот линяет,
Но спасатель, «Солнцедар» приняв,
Голову к гармошке наклоняет.

И рожденный в полночи, в снегах,
Полонез пойдет, как песня, литься.
И откроются на лежаках
Странно-человеческие лица.

И проймет пронзительная дрожь,
И утихнет гомон почему-то...
Только на минуту. Ну так что ж?
Не всегда бывает и минута.

...Растяни гармошку от души,
Соверши внеплановое чудо!
Вон турист газету отложил.
Штатный острячок примолк покуда.

Ты на всех – один спасатель тут,
Так играй! Попробуй громче даже,
Пусть услышат...
Моря мерный гуд.
Полонез Огинского на пляже.

Эшелоны

Эшелоны вольные, победные,
Станций узловых оркестры медные.
У вокзалов, выбеленных известью,
Ждут живых.
И ждут пропавших без вести.

Лица, лица... Те, не те, похожие...
Слава богу, выдюжили, дожили!
Лица, лица! С фронта едет армия...
Шелестит, как дождик, лента старая.

Эшелоны той погожей осени,
Отчего вы без конца проноситеесь?
Отчего приходят слезы сладкие
С вашими веселыми трехрядками?

Оттого ли, что и сам не ведаю,
Где же и кого встречать с победою?
Оттого ль, что пулями и плачами
Жизнь моя покуда не оплачена?

...Наступает первый день творения.
Нет ни у кого ни в чем сомнения, –
И идут вагоны за вагонами
Долгими годами – перегонами.

Песенка о Москве

Вы как хотите – я иначе не могу.
И я оставлю уйму дел,
И в этот город, в этот город убегу,
И затеряюсь в нем на день.

Я разменяю серебро на пятаки,
В кафе случайных стану есть.
И в этот день, наверно, буду я таким,
Какой на самом деле есть.

Пройду по улицам и улочкам его,
В пустой автобус заскочу –
И никому не будет дела до того,
Кто я такой и что хочу.

И занесет меня па Чистые Пруды
Из автомата пить ситро –
И вдруг из памяти моей возникнешь ты,
Как будто из дверей метро.

И не минути, и не месяц, и не год
Мы простоим с тобою так,
И наконец: «Ах, сколько зим, а ты все тот!»
«И сколько лет – а ты всё та...»

Так извините, я иначе не могу.
Оставляю уйму срочных дел –
И в этот город, в этот город убегу
И затеряюсь в нем на день.

«Могу гордиться...»

Могу гордиться –
Выполнил я закон,
Дом поставил в пустыне на шесть окон.
Сосну посадил
На исходе горького дня –
Она уже выше меня.
Могу гордиться –
Сын-подросток гоняет мяч.
Я его не учил: «Не падай!» –
Учил: «Не плачь!»
Вот короткий перечень
Главных дел.
Много ли, мало ли –
А это успел:
В доме моем геологам
Нефтяные видятся сны.
Над могилой отца
Склонились ветви сосны,
Звезды в тетрадах сына, танки, бои...
Таковы итоги мои.
Есть, где укрыться,
Когда ненастье кружит.
Есть, с чего начинать,
Чтобы дальше жить

Молодость

Конечно! Не стоит и спорить.
Пижон. Гитарист. Вертопрах.
Шершавое, серое море
Кружит корабли на цепях
И воду холодную мутит,
И каплями в пальцах дрожит...
А кто-то меня еще учит
Умению правильно жить.

Над берегом ветер хлопочет
И рвет сигарету из рук.
А кто-то меня еще хочет
Втянуть в заколдованный круг,
Где опыты – чище не надо,
Где мудрые старцы – из рам,
Где путь от доклада к докладу
Достоин, солиден и прям.

...А впрочем, забуду и это.
Газеты по пляжу ползут.
Конец неуютного лета.
Налипший на гальку мазут.
В кино «Утоление жажды»,
В прибое мальчишек галдеж...
И море, в которое дважды,

Крути – не крути, не войдешь.

«Гитару спрячь...»

Гитару спрячь,
пера не тронь,
всё было, все знакомо.
Сиди себе, гляди в огонь,
когда уснули дома.

Во мраке комната, как зал,
и в темноту уплыло
всё то, что ты привычкой звал,
а это жизнью было.

И лишь огонь в большой печи
живет не по науке.
Струится, бьется в кирпичи,
заламывая руки.

Печален отсветов уют,
но, бликами согреты,
из тьмы иными восстают
и книги, и портреты.

Огонь, огонь передо мной
горит в печурке тесной.
Его из глубины земной
вели в трубе железной.

Он вентилями укрощен,
компрессорами сдавлен,
а вот танцует –
всё не в счет,
как будто только явлен.

Себя не можешь превозмочь,
а у огня не страшно.
Он печь переживет, и ночь,
и город этот странный.

Поток уносит пламя ввысь.
Нет Бога.
Есть лампада.

Ты, вечность теплая, струись!
Перезимуем.
Надо.

Такие дела

Всего-то

Когда взойдете вы на пьедесталы,
Все те, кто к ним сегодня держит путь,
Весьма возможно, что и я устало
Присяду на скамейку отдохнуть

Перед одним из этих монументов...
Вгляжусь в металла отблеск дождевой
И, грешен, сквозь торжественность момента
Подумаю: а я еще живой.

А там – не будет и меня. Всего-то!
Уйду от глаз, которых так боюсь.
Вернусь – травкою? Ласточки полетом?..
А может быть, и вовсе не вернусь.

Чего уж там искать путей из бездны,
Когда прожито все, чем дорожил.
Прекрасно знать, что чучелом железным
Я не вернусь туда, где прежде жил,

Стихи писал. На пляжи ездил летом.

Не очень торопил свои года.
Да просто жил! Не так уж мало это,
Как, может быть, казалось иногда.

«В конце молчания поставим точку...»

В конце молчания поставим точку.
И будет эта точка означать,
что перед ней – невидимая фраза,
а может быть, период, содержащий
немало утверждений, отрицаний,
вопросов, не попавших на бумагу...

Так что ж?

Они от этого не лучше, не хуже.

Таковы, какими были.

Им до стихов, по сути, нету дела,
да и стихам, пожалуй, не до них.

Как было б скучно,

если бы в строку

попало повышение цен на рынке,
невежливость хапуги-управдома,
невежество профессора, который
готов писать о классиках несчастных,

и оптом их, и в розницу склоняя,
да так бездарно,

что одним утешусь:

покойным, слава богу, все равно!

А также доставание лекарств
и очередь за авиабилетом, и прочее.
Зря, мой приятель мудрый,
вздыхая, говоришь,
что это жизнь.
Жизнь слишком хороша,
чтобы ее
хотя бы краем на такое тратить.

...Однако же бывает и другое,
на что не жаль
ни сил и ни страстей.
Но упаси нас, Боже, от напасти
несчастий и болезней.
В них душа возвышена,
но непомерны муки.

Нет, надо быть как в песне благодарным
за эти годы,
что прошли спокойно,
за зябкий очерк утра за окном,
и даже за молчание, с которым
прощаюсь.

«И вот появляется слово...»

И вот появляется слово.
Откуда, зачем и когда?
От книги до книги сурово,
Неспешно проходят года.
И пропасти жизни, и пики,
И трудные рваные дни
За время – от книги до книги.
А в книге немного: взгляни
На строки, что бодро шагают,
И рифмы на правом краю.
Ведь в чем-то они отражают
Бессмертную душу мою.
Незримые тянутся нити
К словам, что веду, не спеша...
Прекрасно, но только скажите,
А что же такое – душа?
Тех строк незнакомое племя
Тревожит меня наяву.
Они отражают и время,
Поскольку я в нем и живу,
И жил, чертыхаясь порою,
Искал свою правду, как мог.
А что это время – такое?
Не знаю. И вам невдомек.
...А всё-таки это прекрасно,

Что смерть, и любовь, и грехи,
Обычным словам неподвластны,
Войдут ненароком в стихи.
И вот появляется слово...

Дом

Когда-то дом и светел был, и нов,
Почти как замок – вид такой картинный...
И принимал здесь доктор Иванов,
На Воронцовской угол Карантинной.

Здесь кровли жестяной крутой уклон,
Фасада абрис вытянутый, четкий,
И высота ненынешних окон,
Чугунные балконные решетки.

Труб водосточных сизых чешуя,
Орнаменты над арками манеры...
Сюда вселилась дедова семья
Тому назад лет сто уже, наверно.

А что нам сто? Рублей, и дней, и лет?
Нам – тысячи давай... Масштабы, сроки...
Я знаю: был у деда кабинет
Здесь, где сейчас пишу я эти строки.

Гляжу из-за двойных добротных рам
На улицу, струящуюся мимо.
Что, доктор Иванов, ты видел там,
Вчистую для меня непредставимо.

Сам помню: был трамвай. Исчез трамвай.
Булыжники сменил асфальт шершавый.
Меняли фонари... Ну-ну, давай,
Еще кой-что и вспомнишь ты, пожалуй:

В подвале – мастерские, склад и клуб,
А ныне свалка... И еще примеры –
Вот, скажем, у кирпичных красных труб
Телеантенны – символ новой веры.

Короче, много раз менялся вид
(За век не дедовский – и не отцовский)
А дом-то тем не менее стоит
На Карантинной угол Воронцовской.

У улиц тех иные имена,
Таблички сняли, новые прибили.
Кто Воронцов, ответь мне старина?
И карантинны уж не те, что были.

Менялось все вокруг, как век велел,
Нет изменениям счета и предела.
Но дом мой, как ни странно, уцелел,
Когда почти ничто не уцелело.

И, значит, у него свои права
Среди сооружений самых новых:
Ведь память мощных стен его жива,
А тихий поскрип половиц дубовых

Вдруг воскресит забытые шаги,
Иные времена, иную пору.
Как будто бы напомним – береги
Свой дом, свое гнездо, свою опору.

...Но где-то на незримом рубеже, –
И не понять, когда, зачем, откуда?
Вдруг ощущаю холодок в душе,
И он сродни предчувствию и чуду.

Там время останавливает бег,
И вспять ведут часы отсчет неточный,
И не гудки машин, а скрип телег
Доносит ветер с улицы полночной.

Не коммунальные квартиры в ряд –
Гостиная, знакомая едва ли...
Витые свечи в полутьме горят,
И женщина играет на рояле.

Спадает с плеч причудливая шаль,
И музыка – как будто наважденье.
Поет рояль! Он продан был – как жаль.
За двадцать лет до моего рожденья.

Норд

...А норд завоюет зычно
В прибрежной полосе –
И в городе привычно
Замкнутся окна все,

Засветят пятна-фары
Сквозь плотный пыли круг,
И зашумят чинары,
Склоненные на юг.

Тоскливей крики чаек,
В песке – травы покров...
А так – не замечают
В том городе ветров.

Их шумная работа
Успела надоеть:
Сменяются без счета,
Грохочет кровель жесьь.
А все же, вероятно,
Ветра Баку сродни:
Здесь даже непонятны
Безветренные дни.

Норд – злобный или нежный –

Любимый мой герой.
Зря, рецензент прилежный,
Ты поднялся горой:

Мол, сколько же про это?
В стихах ветра и гул!
А норду дела нету:
Гляди, опять задул.

И засвистел в проулках
И загудел трубой,
А в бухте бубном гулко
Откликнулся прибой.

Та музыка крылата,
Мотив не разберу, –
Но был рожден когда-то
И, может быть, помру,

Как норд ударит в двери, –
И, в новый путь спеша,
Самой себе не веря,
Отправится душа.

«Праздники окончены...»

*Из ничего фонтаном синим
Вдруг брызнул свет...*

А.Блок

Праздники окончены.
Затем – что же?
Надо жить.
Похоронный запах хризантем
в комнатах лежит.
По домам расходятся дружки,
в тишине дворы.
Красные гирлянды и флажки.
Синие шары.
Первый залп. И первый крик «Ура!»
До чего знаком...
Праздники уходят во вчера.
Праздники окончены. Пора
думать о другом.

«Без зависти и без злобы прошу у светлого дня...»

Без зависти и без злобы прошу у светлого дня
Одну лишь женщину, чтобы не укоряла меня,
Часы, где светятся стрелки
– чтоб мог найти под рукой,
А также дождичек мелкий,
поскольку люблю такой...
Тогда я часы надену, открою окно в кабинет,
Гвоздями прибью на стену
женщины той портрет.
Покуда кофе заварить –
глядишь, и дождик пошел...
И вот тогда-то, товарищ, я буду жить хорошо!

«Тот, кто ждал, чтоб я убивался...»

Тот, кто ждал, чтоб я убивался,
чтобы горем своим упивался,
захлебнулся в потоке жалоб
в этот год –
пусть еще подождет.

Тех, кто так активно боялся,
чтобы вдруг я не растерялся,
не метался и не спивался,
вообще – с пути не сбивался –
я не строго сужу.
Провожу. Спасибо скажу.

Вы поймете меня едва ли,
те, кто мне советы давали,
опекали и ревновали,
и вершили суд...

Те, другие, что рядом были,
чай заваривали. Водку пили.
И ходили со мной к могиле –
вот они меня и спасали.
И еще спасут.

«В старом фильме „Не горюй“...»

В старом фильме «Не горюй»
Жизнью смешанные краски –
Свадьбы, похороны, пляски
И дуэль, и поцелуй.

Кровь – ручьем, вино – рекой,
И лохмотья, и наряды...
Будто жизнь окинул взглядом:
Я ее не знал такой.

После кое-что постиг,
А тогда был глуп и молод.
Но доньше помню холод –
Уходил седой старик

От веселия – в провал,
В черноту – и нет возврата...
Ох, как это было снято!
Понял, хоть не понимал,

Хоть не знал, что суждено
Оказаться у предела.
...Рядом женщина сидела,
Это было так давно.

Шел веселый фильм тогда,
Кажется, в начале лета...
Той, сидевшей рядом, нету.
И не будет никогда.

Не оглянешься назад –
Больно все. Но почему-то
Тянет в тихие минуты
В тот вечерний темный зал.

Там звучанье винных струй,
И загадочное пенье,
И девиз, предошущение,
Назиданье – не горюй!

«За короткими ливнями...»

За короткими ливнями –
Проливные дожди.
Лето солнца активного
Позади, позади.
В лужах листики корчатся,
Тень скользит под ногой.
Скоро год этот кончится
И начнется другой.
Паутинка качается,
И трамваи звенят...
Пусть быстрее кончается –
Горек он для меня.
Жду я с новым свидания,
По опять и опять
Точно знаю заранее
То, что лучше не знать.
И в самой напряженности
Ожидаемых дней
Есть печать предрешенности –
А вот это страшней.
Лето солнца активного
Миновало навек.
Есть надежда наивная
В то, что выпадет снег,
Белый город насупится,

И метель закружит,
И бывшее отступится...
Только как же мне жить
В снежном зареве, в замяти
Наступившего дня
Без опоры – без памяти,
Без тебя, без меня...

«Снова старые песни поются...»

Снова старые песни поются,
Снова в город приходит зима...
Мне стихи о любви не даются,
И любовь не давалась сама.

А пришла – точно рана сквозная
На краю этой жизни и сил...
Так уж вышло... Не знаю, не знаю...
Я вообще о любви не просил.

Я считал, что спокойно и просто
Тем немногим, что есть, проживу.
С неба падают желтые звезды
В море синее, в почву, в траву.

Гаснут звезды. Погасла и эта
В той ночи, что не сменится днем.
Только слабые отблески света
Остаются от жизни вдвоем.

Те минуты, которых немного
Среди спешки всегдашней и дел.
Слава богу, шепчу, слава богу –
Все успел ей сказать, что хотел.

Все, что можно, поставил на карту,
Только поздно одумался я...
Слякоть серая стылого марта,
На Каширке в метро толчея.

Было зданье больницы сурово –
Чуть светились в ночи этажи.
Здесь любил я. И больше такого
Мне вовеки уже не прожить.

В полумраке суровых покоев
Тусклый свет ночника на стене...
Там я понял, что это такое,
Там любовь прикоснулась ко мне.

Только там, где беда неизбежна
Я шептал ей, шептал по слогам,
Что люблю – безнадежно и нежно.
Только там. Что поделаешь?.. Там.

«И огонь живет под золою...»

И огонь живет под золою,
И молчанье скрывает крик.
Болью в сердце уколёт былое,
Возвратившееся на миг.
Почему ты приходишь ночью
В самый черный из черных дней?
Память – нет, не стала короче,
Хоть и сделался путь длинней.
Или ты надо мною властна
Навсегда? Среди всех других?
Город спит под небом ненастным,
Отдаются гулом шаги.
Спят деревья, дома и крыши.
Ничего вокруг. Никого.
Вздоргну я на ходу, услышав
Звуки голоса твоего.

Венок сонетов

I

Ну, вот и всё... Теперь прощай. Прости.
Дверь приоткрылась и пахнуло сыро
Оттуда воздухом иного мира,
И только им отныне дышишь ты.
Как быстро отчуждаются черты!
Как быстро превращается в кумира
Плясунья, персмешница, задира.
Дымится лед, и теплятся цветы.
И похорон обычных суета
Охватывает дом, и о поминках
Уже заговорили. Инка, Инка!
Так вот она, последняя черта.
Последний вздох, последняя присяга –
Ни мига больше без тебя, ни шага.

II

Ни мига больше без тебя, ни шага.
В передней собирается народ.
Толкуют – завтра будет гололед,
И снег идет... Как белая бумага
Лег у порога. К утру занесет
Подъезд. И будет нам нужна отвага,
Чтоб сделать шаг от замкнутых ворот
К делам иного зла, иного блага.
Но это всё потом когда-нибудь,
Когда закончится последний путь.
А до тех пор два дня. Две долгих ночи.
И две свечи на грани темноты.
Длиннее тени, а свеча короче.
Дом опустел и улицы пусты.

III

Дом опустел и улицы пусты.
Я знаю, ты любила их такими –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.